

УДК 16

МИФ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СЦЕНАРИЯХ

Смирнов Василий Андреевич

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблематике использования политических мифов в контексте реализации стратегий «мягкой силы». Рассмотрены отличительные черты политических мифов, определены критерии их эффективности в плане воздействия на индивидуальное и групповое сознание. Кроме того, на примере присоединения Новгородской республики к Москве показано, как «мягкая сила», используя политические мифы, способна достигать своих целей.

Ключевые слова: мягкая сила, политические мифы, идеология, социокультурные сценарии.

MYTH AS A TOOL FOR THE IMPLEMENTATION OF "SOFT POWER" IN POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL SCENARIOS

Smirnov Vasily Andreevich

Yaroslav the Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problems of using political myths in the context of the implementation of "soft power" strategies. The distinctive features of political myths are considered, the criteria of their effectiveness in terms of impact on individual and group consciousness are determined. In addition, the example of the accession of the Novgorod Republic to Moscow shows how "soft power", using political myths, is able to achieve its goals.

Keywords: soft power, political myths, ideology, socio-cultural scenarios.

Введение

Мифы играли и продолжают играть важную роль в политике, мотивируя разных акторов на совершение определенных политических действий. Зачастую мифы используются механизмами так называемой «мягкой силы» для достижения определенных политических целей. Как известно, «мягкая сила» – это такой способ властвования, который нацелен на воздействие, в первую очередь, на сознание объекта с целью трансформации его в нужное для субъекта направление. Мы считаем, что было бы весьма продуктивно и целесообразно с научной и аналитической точки зрения рассмотреть специфику аппликации политических мифов в различных политических и социокультурных сценариях в контексте использования инструментов «мягкой силы».

Методы

В статье используется феноменологический метод, а также анализ научной литературы по политологии, социологии, культурологии, философии, и др.

Литературный обзор

Под мифом в современной литературе понимаются некие представления о социальной реальности, включающие в себя обобщенные этические установки, отражающие действительность [Корниенко 2009: 49–53]. К. Флад дает следующее определение политического мифа – это «идеологически обусловленное повествование относительно социальной реальности, ее прошлого, настоящего и будущего, и воспринимаемое как истинное» [Флад 2004: 42]. Таким образом, миф связывает прошлое и настоящее [Барт 2000: 284], согласуя наши представления о желаемом мироустройстве с реальностью. Соответственно, политический миф является частным случаем мифа вообще и тесно связан с областью борьбы за власть или её удержания.

В данном контексте определение политического мифа весьма близко к определению политической идеологии. Для ряда авторитетных исследователей они являются практически тождественными понятиями [Леви-Строс 2001: 217]. Однако стоит отметить, что с нашей точки зрения, принципиальное отличие этих важнейших компонентов политической культуры общества заключается в том, что идеология всегда претендует на научность, тогда как мифы эксплуатируют более широкий, зачастую далекий от науки, спектр идей, образов, символов, ценностей и т.д.

Миф как социальное явление имеет ряд отличительных черт. Выделим некоторые из них. Важнейшей особенностью мифа является его способность выстраивать так называемую «альтернативную реальность», которая, тем не менее, может актуализироваться в «реальном» пространстве, побуждая людей к определенным действиям [Неклюдов 2005: 43]. Другой важной чертой мифа является его двойственная природа [Ставицкий 2020: 42], сочетающая рациональное и иррациональное. Кроме того, с одной стороны, мифы являются продуктом массового сознания и естественного развития общества, с другой, они зачастую искусственно конструируются под определенную идеологический заказ. В литературе по этой проблематике справедливо отмечается, что «от умения политической элиты продуцировать «последовательные» социальные мифы, в том числе и политические, зависит стабильность социального развития» [Иванов 2018: 99]. Наконец, существенной особенностью политического мифа является активная эксплуатация им архетипов, но уже с учётом имеющейся политической конъюнктуры. Под архетипом в современной науке понимается некий изначальный символ, который отражает коллективные представления о реальности. При определенных обстоятельствах эти архетипы могут использоваться в политике по-новому, отражая сложившиеся реалии. Так, А.А. Целыковский приводит следующий пример: во многих странах архетипический символ Великой Матери трансформировался в образ Родины-Матери [Целыковский 2019: 22]. Стоит добавить, что во время Великой Отечественной войны данный символ воплотился не только в речах политических деятелей и пропагандистских плакатах, но также и в произведениях искусства – знаменитой скульптуре Е. Вучетича в Волгограде. Мы полагаем, что эффективность политической мифологии, во-многом, определяется её способностью апеллировать к древним архетипам и символам. Именно эти технологии и использовали немецкие национал-социалисты в своей пропаганде, постоянно обращаясь к образам Земли, Крови, Вождя и Врагов. В данном аспекте иррациональные, примитивные и уходящие своими корнями вглубь веков первобытные символы оказались гораздо эффективнее в деле влияния на массовое сознание, чем рационализаторские конструкции, опирающиеся на логику.

Результаты исследования

Как известно, знаменитый исследователь идеологических практик Карл Мангейм [Мангейм 1991] ввёл своеобразную научную дефиницию для характеристики типов мышления, которые нацелены на сокрытие истинного положения вещей в обществе. Если этот тип мышления ориентирован на консервацию сложившегося социального строя, то он именуется «частичной идеологией», если же, напротив, он ставит своей целью изменение основ общества, то тогда его можно назвать «утопией». Нетрудно заметить, что принципиальное отличие между идеологией и утопией заключается лишь в том, что утопическое восприятие реальности действует в интересах претендующих на власть подчиненных социальных групп, которые стремятся изменить существующий социальный порядок, тогда как идеология, напротив, защищает интересы правящего класса. Однако оба этих типа мышления сознательно искажают актуальные условия жизни. Они похожи между собой в своей «частичности», поскольку демонстрируют «истину» не полностью, а только для собственных последователей, то есть, определенной группы людей, разделяющей данные идейные воззрения. Можно привести такой пример: на современном Западе доминирующей идеологией является либерализм, который утверждает незыблемость права частной собственности и признаёт капиталистическую рыночную экономику в качестве единственно правильной экономической системы. С точки зрения этой идеологической концепции, остальные экономические формации неэффективны, так как ограничивают свободу производителя и, тем самым, вносят флуктуации в функционирование хозяйственного механизма. Только рынок и капитализм способны обеспечить максимальную отдачу от использования имеющихся ресурсов и насытить общество необходимыми благами. Понятно, что подобные идеологические мифы «выгодны» правящим буржуазным кругам, аккумулировавшим в своих руках огромные капиталы и не желающие с ними расставаться. С другой стороны, во многих странах классы наёмных работников критикуют капитализм как совершенно несправедливый социальный строй, в рамках которого общественное богатство достается немногим, что порождает различные социальные «язвы». Поэтому среди подобных людей можно увидеть много приверженцев социализма – идеологии, отстаивающей необходимость смены существующего строя и внедрения принципов социального равенства, которое может быть достигнуто за счёт национализации средств производства и перераспределения общественных богатств в пользу обездоленных групп. «Опрокидывая» методологию Мангейма на эти примеры, можно увидеть, что сторонники либерализма в данных обстоятельствах могут быть классифицированы как носители частичной идеологии, тогда как адептов социализма следует охарактеризовать в качестве «утопистов». Однако помимо так называемых «партикулярных» мифов, в той или иной степени искажающих действительность в угоду интересам разных социальных сил, существует и «тотальная» идеология (или мифология), которая формируется под воздействием всей культуры общества и связана уже с мышлением целой эпохи. Примером такого типа мифологии можно считать, например, мышление средневекового человека, фундированное всем комплексом сложившихся социально-исторических и культурных условий его существования. И если средневековый европеец верил в Ад, Рай, наказание за грехи и Искупление, то данные взгляды были навязаны ему не какой-то определённой правящей группой, а всей господствующей на тот

момент системой мировоззрения. С нашей точки зрения, речь о политической мифологии можно вести только в контексте партикулярных идеологий/утопий, поскольку политика – это всегда борьба разных «частей» со своими интересами за власть. Тогда как «тотальные» мифы (идеологии) однозначно внеполитичны, ибо отражают уже не частные интересы социальных акторов, а всю систему мышления общества, а потому, если и искажают реальность, то делают это не намеренно, ради достижения заданных политических целей, а в силу определённых когнитивных механизмов, обусловленных существующими культурными структурами.

Стоит отметить, что эффективность многих «частичных» идеологий обусловлена их тесной связью с описанными выше «тотальными» идеологиями, которые и формируют «мета-уровень» мышления человека. Например, есть все основания полагать, что либеральная идеология (мифология) смогла завоевать умы большого количества людей лишь потому, что она опиралась на всю систему западного мировоззрения, уже столетиями – через образование, литературу, СМИ, науку, пропаганду – постулирующую «естественный» характер институтов собственности, демократии, рынка, капитализма, вследствие чего сторонники либерализма даже не отдают себе отчета в том, что их слова и убеждения являются продуктом идеологии. В этом аспекте либеральная идеология воздействует на сознание даже не столько на психологическом (где возможны различные манипуляции и искажения), сколько на когнитивном уровне. И если в первом случае объект воздействия мифа может усомниться в его правдоподобности, то на «тотальном» уровне функционирования мифосферы вопрос об истинности или ложности определенных идей лишен всякого смысла, ибо в этом случае оценка окружающего мира обусловлена характером всей структуры сознания эпохи, куда включено мышление человека.

По мнению А.А. Целыковского, политический миф выполняет в обществе важнейшие функции, что и предопределяет его социальную значимость [Целыковский 2019: 23]. Во-первых, миф объясняет мир, реализуя свою онтологическую и гносеологическую функции, в рамках которых сложная и многообразная социальная реальность редуцируется к более простым бинарным оппозициям: добро и зло, враги и союзники и т.д. Это помогает структурировать мышление человека, уложив его в определённую «сетку» базовых смыслов, образов и понятий. Во-вторых, важнейшей функцией мифа является аксиологическая интерпретация всех происходящих в политическом пространстве событий в рамках надления их атрибутами «хорошо-плохо». Как известно, большие группы людей могут быть интегрированы в устойчивые общности либо на основе норм (жёстких требований должного поведения), либо на основе ценностей (идеалов должного). Нормы, в свою очередь, делятся на деятельностные и социальные. Первые связаны с процессом преобразования исходного материала в конечный продукт по требованию заказчика, а потому мало зависят от воли самих людей, но обязательно должны учитывать природу изменяемого материала. Вторые являются результатом согласованных договоренностей по поводу необходимого в обществе поведения его индивидов. Однако нормы лишены ценностной составляющей, они лишь задают рамки необходимых с точки зрения социума поступков человека. В этой связи появляется запрос на надление объектов окружающей социальной действительности определенными субъективными свойствами, формирующими ориентиры для повседневной (в том числе, политической) активности человека и позволяющими соотносить её с этими

установленными идеалами. Так, во время пандемии коронавируса был распространен миф о якобы имеющем место заговоре фармацевтических корпораций, глобальных медицинских организаций и национальных правительств с целью принуждения населения к обязательной вакцинации. Возможными целями этой кампании назывались: стремление сократить избыточное население Планеты, обеспечение прибыли компаний, производящих вакцину, а также создание и отработка механизмов по контролю за поведением больших масс людей. Соответственно, люди, воспринявшие этот миф, относились к медикам как «врачам-убийцам», а собственные власти воспринимались ими как «филиалы» глобалистских структур, которые, не имея достаточного суверенитета, были всего лишь послушными инструментами реализации злой воли некоего мирового правительства. Получается, что миф в данном случае реализовал функцию оценивания происходящего с позиции определенных субъективных установок. Наконец, праксиологическая функция мифа связана с тем, что он задаёт динамику политической активности для различных акторов. В этом аспекте вспоминается отечественная история столетней давности. Как известно, крестьяне дореволюционной России считали землю «ничьей» и на этом основании рассматривали дворян в качестве своеобразных «паразитов», которые, не обрабатывая своим трудом участки, тем не менее, были крупными земельными собственниками и несправедливо обогащались за счёт нещадной эксплуатации общины. Сами же дворяне, напротив, были убеждены в неотчуждаемости и «священности» прав частной собственности, что было отражением господствовавших на Западе либеральных идеологических установок. Как в первом, так и во втором случае противоположные представления этих двух социальных групп нельзя считать истинными или ложными. Однако оба мифа – как первый, крестьянский, так и второй, дворянский – объясняли, как устроен мир в контексте использования земли (онтологическая и гносеологическая функции), давали оценку ситуации (аксиологическая функция: для крестьян несправедливым было то, что не работающие на земле и ведущие сибаритствующий образ жизни помещики незаслуженно пользовались огромными имениями; тогда как дворяне считали несправедливыми все разговоры об изъятии их законной собственности и попытки захвата усадеб крестьянами) и побуждали к определенным действиям. Праксиологическая функция реализовывалась в том, что все политические силы России начала двадцатого века вынуждены были учитывать эти ориентации. Либеральные и так называемые охранительные партии («октябристы», кадеты, монархисты) поддерживали миф о неотчуждаемости частной собственности, тогда как большевики и эсеры, напротив, были на стороне «крестьянского» взгляда на земельные отношения. Как справедливо отмечает Д.И. Гигаури, «сила, уникальность и универсальность мифологизации как составной части технологического арсенала пропаганды заключаются в том, что миф мотивирует и мобилизует деятельность социальной группы или сообщества в правильном для субъекта мифотворчества направлении» [Гигаури 2017: 30]. Кроме того, по мнению С.В. Рязановой, миф выполняет еще и этиологическую функцию [Рязанова 2013: 17], связанную с указанием на истоки и происхождение политических структур. Так, развивая предыдущий пример с различием взглядов на принадлежность земли, монархические партии поддерживали дворян на том основании, что считали их одним из «столпов» самодержавия, которое, в свою очередь было «столпом» России, ведущим свою историю со времен легендарного Рюрика.

Что касается типологии политических мифов, то чаще всего их принято делить на «чёрные» и «белые». Целью первых является создание искаженного, зачастую предвзятого, образа о каком-либо объекте, в качестве которого может выступать отдельный человек, исторический факт, народ или целое государство. Примером такого «черного мифа» можно считать так называемую «норманнскую» теорию происхождения Русского государства. Согласно этой концепции, древние славяне до прихода германцев (скандинавов) отставали в своем социальном и политическом развитии от соседних народов до такой степени, что без помощи приглашённого извне варяжского конунга Рюрика не могли создать даже собственное государство. Подобные взгляды, несмотря на их очевидную антинаучность [Фомин 2009: 102–107], тем не менее, часто использовались как база для идеологической дискредитации России в различных пропагандистских практиках. «Белые» мифы, напротив, стараются оправдать и защитить определённые социальные явления или отдельных исторических личностей, всячески подчеркивая их позитивную сущность. Кроме того, нам бы хотелось обратить внимание на такую специфику политической мифологии, как её темпоральную направленность. Одни мифы больше акцентируют внимание на некоем идеальном «золотом» Прошлом, с которым сравнивается несовершенное настоящее. Так, для славянофилов в XIX в. таким идеалом была допетровская Русь, в которой не было крепостного права и присутствовало единение царя и народа. Другие мифы, напротив, устремлены в будущее и больше ориентируются на построение некоего утопического мира, который будет намного совершеннее, чем существующее настоящее. Именно такой идеологией был марксизм, который призывал к построению бесклассового общества, лишённого «язв» капитализма. Стоит отметить, что активная эксплуатация лишь только мифов о Прошлом может оказаться политически несостоятельной, так как социальное развитие всегда устремлено в будущее и не может опираться лишь на уже отжившие своё образцы прошлых исторических эпох.

Мы полагаем, что политические мифы могут активно эксплуатироваться в рамках стратегий так называемой «мягкой силы». Как известно, понятие «мягкой силы» было впервые введено в научный дискурс профессором Гарвардского Университета Дж. Наем. Как считал ученый, сила государства фундируется не только материальными ресурсами в виде военной и экономической мощи (так называемая «hardpower»), но, во многом, зависит от использования «мягких» инструментов в политике. В реализации принципов «мягкой силы» важно оказание влияния на изменение приоритетов чужих стран и народов таким образом, чтобы «они захотели того, чего хотите вы, и вам не пришлось бы заставлять их изменить свое поведение» [Федотова 2016: 37]. Среди инструментов мягкой силы на первое место выходят: образование, культура и идеология. Отличие «мягкой» силы от «жесткой» заключается не в непринудительной природе первой, а исключительно в формных основаниях этих двух инструментов навязывания своей воли. Если «жесткая» сила оперирует преимущественно военными и экономическими ресурсами, то «мягкая» сила, напротив, воздействует не на «тело» потенциального объекта управления, а на его сознание, на культурно-символические образы. Так под влиянием критики конструктивистов, Дж. Най уже в середине 2000-х несколько изменил свои первоначальные взгляды. Он писал: «В использовании мягкой силы могут прослеживаться элементы угроз и манипулирования. Тем не

менее, она оставляет большую свободу выбора, чем физическая сила» [Joseph Nye 2008: 142].

В качестве примера аппликации «мягкой силы» в историческом аспекте можно взять присоединение Новгородской республики к Москве в XV веке. Как отмечает историк С.В. Трояновский, «связанная древними корпоративными узами боярских родов, приверженная жёсткой иерархии отношений и не терпевшая вольностей Москва могла развиваться только за счёт экспансии. Её боярская олигархия не просто подавляла другие сословия – она вообще не считалась ни с кем, кроме государя. Именно в этом направлении стремительно двигалась московская политика с середины XV века. И на этом пути у неё неумолимо вырастал вольный Новгород – огромный землевладелец, успешно торговавший на Балтике, впитавший дух свободного предпринимательства и заучивший в десятках поколений азы правовой защиты от властного произвола» [Трояновский 2015: 256]. Стоит отметить, что Иван III придал наступлению на Новгород вид «крестового похода» против предателей истинной православной веры, обеспечив эффективное идеологическое прикрытие для своих завоевательных планов. После падения Византии в 1453 г. Москва оставалась единственным независимым православным государством в мире, что делало её в глазах сторонников этой ветви христианства главным оплотом истинной веры. Как известно, вольный Новгород, вопреки условиям ранее подписанного с Москвой Яжелбицкого мира 1456 г., пытался договориться с Литвой на предмет заключения некоего «оборонительного» союза против могущественного восточного соседа, что и стало предлогом для начала очередной московско-новгородской войны. При этом, Иван III всячески упирал на то, что именно переговоры с католической Литвой и являются главной причиной начала военных действий против вечевой республики, которую следовало наказать за очевидное «предательство» (и даже не столько самого великого князя, сколько всего православного мира).

Прочитываем известного новгородского историка В.Г. Смирнова: «Летом 1471 года Иван III двинул против новгородцев огромное войско, которое включало в себя и татарские отряды. Войску был отдан приказ великого князя сжигать дотла новгородские сёла и убивать всех их жителей без разбора. 14 июля 1471 года на берегу реки Шелонь произошло сражение между новгородским ополчением под руководством Дмитрия Борецкого и московским войском под руководством князя Даниила Холмского. В тыл новгородцам ударили татары, а владычный полк со стороны наблюдал за происходящим, не вмешиваясь в битву (по наказу владыки Феофила). Разгром был полным. В плен попали все новгородские воеводы» [Смирнов 2015: 154]. Осенью 1475 г. Иван III лично прибыл в Новгород и остановился в Городище. Здесь он устраивал демонстративные суды заступничества за простых горожан, обиженных боярским произволом [Трояновский 2015: 261]. Стоит отметить, что рядовые новгородцы не слишком горели желанием проливать кровь за боярскую республику. Видимо, здесь сыграла свою роль эффективная пропаганда Москвы. Спустя 2 года после этих событий с новгородской независимостью было покончено и город с его огромными земельными владениями превратился в удел великого князя.

Таким образом, Москва, задействуя в борьбе против непокорного Новгорода не только военные средства, но и «мягкую силу», сумела в высшей степени эффективно использовать политическую мифологию для достижения своих целей. Московские Даниловичи в лице Ивана III и его окружения создали в массовом

сознании картину мироздания, где идёт непримиримая борьба между Добром в лице Православия и Злом в лице католического Запада, причём, строптивые новгородцы ради сохранения своих богатств перешли на сторону Зла, за что и были наказаны московским князем, стоящим на страже Добра. Кроме того, на архетипическом уровне активно эксплуатировался образ Отца (в роли которого был Иван III, выступающий в качестве защитника всех новгородцев от произвола местных бояр) и образ Врага (все католики и те новгородцы, которых принято называть «литовской» партией).

Заключение

Таким образом, обобщая всё вышеизложенное, мы можем заключить, что для того, чтобы эффективно влиять на сознание людей, политические мифы должны удовлетворять следующим условиям.

Во-первых, они должны объяснять окружающую реальность, реализуя онтологическую и гносеологическую функции, давать ей ценностную оценку и побуждать к определённым действиям.

Во-вторых, политическим мифам следует активно эксплуатировать архетипичные образы из прошлого для подкрепления рациональных конструктов иррациональными средствами воздействия на сознание индивида.

В-третьих, политические мифы должны быть встроены в систему господствующего («тотального») мировоззрения, чтобы оперировать не только на психологическом уровне, где они могут быть легко разоблачены как «ложные», но и на когнитивном уровне, где вопрос о ложности-истинности чего-либо вообще не стоит.

В-четвёртых, политической мифологии следует выстраивать как образы идеального «золотого» Прошлого, так и идеального будущего, куда непременно нужно двигаться. И в этом случае, политические мифы могут быть успешно вписаны в стратегию реализации «мягкой силы».

Литература

- Барт Р.* Мифологии. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2000. 314 с.
- Гигаури Д.И.* Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского Университета, Сер. 12. Политические науки. 2017. № 2. С. 24–45.
- Иванов А.Г.* Имперский миф – «метауровень» политической идеологии // Гуманитарные исследования Центральной России. № 3 (8). 2018. С. 96–103.
- Корниенко Т.А.* Сущность и структура политического мифа // Власть. 2009. 10. С. 49–53.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Мангейм К.* Идеология и утопия. Москва, 1991. 247 с.
- Неклюдов С.Ю.* Структура и функции мифа // Современная российская мифология / Сост. М.В. Ахметова. Москва, 2005. С. 17–38.
- Рязанова С.В.* Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. 2013. С. 14–22.
- Смирнов В.Г.* Лица новгородской истории. – Москва: Вече, 2015. 496 с.
- Ставицкий А.В.* Миф: природа восприятия мира и возможности рационального // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной

конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С 42–48.

Федотова Н.Н. Анализ Культурных ресурсов: мягкая мощь и идентичность // *Философия и современность*. 2016. № 4. С 55–69.

Трояновский С.В. Великий Новгород: Седмицы истории. 859-1990-е годы. Москва: Издательство «Весь Мир», 2015. 544 с.

Флад К. Политический миф. Москва: Прогрес-Традиция, 2004. 263 с.

Фомин В.В. Норманская теория и её научная несостоятельность // *Ученые записки Волгоградского педагогического университета*. 2009. С. 102–107.

Цельковский А.А. Структура, свойства и функции политического мифа // *Logos et Praxis*. 2019. Т.18. №3. С. 18-24.

Joseph Nye. The Powers to Lead / Oxford University Press, 2008. 240 p.

References

Bart R. Mythology. Moscow: Publishing House. Sabashnikov Publisher, 2000. 314 p.

Gigauri D.I. Political Myth in the Structure of Historical Memory // *Bulletin of the Moscow University, Ser. 12. Political Sciences*. 2017. № 2. Pp. 24–45.

Ivanov A.G. Imperial Myth – "Meta-Level" of Political Ideology // *Humanitarian Studies of Central Russia*. № 3 (8). 2018. Pp. 96-103.

Kornienko T.A. The Essence and Structure of the Political Myth // *Power*. 2009. 10. Pp. 49–53.

Levi-Strauss K. Structural Anthropology. Per. with Fr. Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: EKSMO-Press Publisher, 2001. 512 p.

Mannheim K. Ideology and Utopia. Moscow, 1991. 247 p.

Neklyudov S.Yu. Structure and Functions of Myth // *Modern Russian Mythology / Comp. M.V. Akhmetov*. Moscow, 2005. Pp. 17–38.

Ryazanova S.V. The Role of Religion in the Formation of a Political Myth // *Values and Meanings*. 2013. Pp. 14–22.

Smirnov V.G. Faces of Novgorod History. – Moscow: Veche Publisher, 2015. 496 p.

Stavitskiy A.V. Myth: the nature of perception of the world and the possibilities of rational // *Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy*. Sevastopol: Branch of M.V. Lomonosov. Moscow State University in Sevastopol, 2020. Pp. 42–48.

Fedotova N.N. Analysis of Cultural Resources: Soft Power and Identity // *Philosophy and Modernity*. 2016. No. 4. Pp. 55–69.

Troyanovsky S.V. Veliky Novgorod: Weeks of History Publisher. 859-1990-ies. Moscow: "The Whole World" Publisher, 2015. 544 p.

Flood K. Political Myth. Moscow: Progres-Tradition Publisher, 2004. 263 p.

Fomin V.V. Norman Theory and its Scientific Inconsistency // *Scientific notes of the Volgograd Pedagogical University*. 2009. Pp. 102–107.

Tselykovsky A.A. Structure, Properties and Functions of a Political Myth // *Logos et Praxis*. 2019. V.18. №3. Pp. 18–24.

Joseph Nye. The Powers to Lead / Oxford University Press, 2008. 240 p.

Сведения об авторе:

Смирнов Василий Андреевич

доцент кафедры теории, истории и философии культуры ФГБОУВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

E-mail:

Bionotes:

Smirnov Vasily Andreevich

Associate Professor, Head of the Department of Theory, History and Philosophy of Culture of Yaroslav the Wise Novgorod State University, Candidate of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Для цитирования:

Смирнов В.А. Миф как инструмент реализации «мягкой силы» в политических и социокультурных сценариях // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 178–187.

For citation:

Smirnov V.A. Myth as a Tool for the Implementation of "Soft Power" in Political and Socio-cultural Scenarios // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 178–187.